

РЕСТИТУЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Культурные ценности, являясь важной и уникальной составляющей культуры любого народа, часто подвергались грабежу во времена колониальных завоеваний. Государства-колонизаторы присваивали культурные артефакты колонизированных территорий, способствуя их разрушению и уничтожению. Получив независимость, бывшие колониальные страны и коренные народы попытались вернуть свое наследие, которое до сих пор хранится в музеях и частных коллекциях других стран. В статье рассматриваются принципы реституции культурных ценностей с двух позиций: международное право и морально-этические установки. Характеризуются принципы реституции, аналогичные тем, которые используются после вооруженных конфликтов, а также практические, логистические, экономические, национальные и философские компоненты реституции как процесса. Освещается существующая сегодня практика реституции, основанная на международных правовых документах, в том числе и судебная практика, зачастую не удовлетворяющая требованиям реституции. Рассматриваются также альтернативные механизмы реституции, мотивированные скорее моральными и этическими соображениями и помогающие достигнуть уникальных решений в вопросе реституции, следствием которых становится межкультурное взаимодействие разных народов. В статье анализируются события, произошедшие в сфере реституции культурных ценностей в странах Европы конца XX века – начала XXI века.

Ключевые слова: реституция, культурные ценности, колониализм.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-03-73-81

Введение. Культурные ценности служат ярким выражением уникальной самобытности общины или народа, которым принадлежат. Однако в эпоху колониальных завоеваний они зачастую становились мишенью, поводом для карательных мер, а в некоторых случаях – способствовали уничтожению сообществ, которые по праву владели этими культурными ценностями. Особенно широко это было распространено в XVIII и XIX веках, когда культурные артефакты из колонизированных районов присваивались государствами-колонизаторами в ходе карательных миссий, завоеваний, взимания дани и т.п. Кроме того, присвоенные артефакты часто продавались и обменивались для создания коллекций или для удовлетворения потребностей ученых. Ради справедливости стоит упомянуть, что присвоение таких культурных ценностей не всегда было связано с насильственными, незаконными или аморальными действиями со стороны стран-колонизаторов. Колонизированные общины иногда сами продавали или обменивали такие артефакты, однако по-прежнему оставались не совсем в выгодных условиях – неравенство сил колониза-

торов и колонизированных общин препятствовало «честному обмену» [15].

Объекты и методы исследования. С появлением ООН началась волна деколонизации. В 1960 года Генеральная ассамблея принимает Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Она запускает процесс самоопределения угнетенных народов и искоренения колониализма. С этого момента бывшие колониальные страны, а в последнее время и коренные народы, естественно, стали стремиться вернуть себе свое наследие, то, что им принадлежало по праву. Многие важные составляющие их наследия до сих пор разбросаны по музеям и частным коллекциям в других странах. Освобожденные народы – новые участники международных отношений – призывают к применению принципов реституции, аналогичных тем, которые используются после вооруженных конфликтов. По словам Линдел Протт, представителя Генерального директора ЮНЕСКО, они также основывают свои требования на необходимости восстановления священной связи между населением, территорией и культурой, а в широком понимании – на праве на самоопределение

народов, которые должны возрождать и развивать свою культурную идентичность [15]. В 2018 году по заказу французского правительства опубликован доклад, написанный сенегальским ученым и писателем Фелвином Сарром совместно с французским искусствоведом Бенедикт Савуа, который вновь привлек внимание к требованиям о реституции культурных ценностей. По итогам доклада президент Франции объявил о реституции африканских артефактов, и это становится первым в истории случаем возврата культурных ценностей в страну их происхождения на таком высоком государственном уровне и отправной точкой для многочисленных дебатов и планов по деколонизации музеев в ряде стран [8; 16]. Однако, несмотря на большую активность СМИ и европейских политиков по теме реституции колониального наследия, возвращение культурных ценностей по-прежнему встречает сопротивление. Противники реституции и те, кто сомневается в ее необходимости, используют практические, логистические, экономические, национальные и даже философские соображения, чтобы оправдать необходимость сохранения культурных ценностей в государственных или частных коллекциях вдали от страны их происхождения. Они имеют большое преимущество – наиболее эффективным инструментом сдерживания, задержки или предотвращения реституции является закон. С одной стороны – невозможность законного отчуждения культурных ценностей, с другой – многочисленные правовые и моральные аспекты, располагающие к возвращению культурного наследия, но оказывающиеся практически неэффективными.

Результаты и их обсуждение. На сегодняшний день существует практика реституции культурных ценностей, основанная на международно-правовых документах, которые направлены на регулирование этого вопроса, но часто суды оказываются неспособными удовлетворить такие иски в полной мере. Вместе с тем существуют и актуальные альтернативные механизмы, которые могут обойти правовые и судебные препятствия, они адаптированы к каждому отдельному случаю, что помогает достигнуть уникальных решений.

По мнению профессора Университета Клермон-Овернь Ксавье Перро, в исторической ретроспективе практика возвращения

культурных ценностей между государствами возникла в XVI и XVII веках, но появляется она лишь изредка в мирных договорах, заключенных после военных конфликтов, будучи, по сути, мотивированной скорее политическими и дипломатическими целями [15]. В начале XIX века в ходе Венского конгресса (1814–1815) некоторые европейские страны потребовали от Франции возвращения многочисленных архивов и произведений искусства, конфискованных наполеоновской армией, а большинство мирных договоров, которые были подписаны к концу века, содержали аналогичный пункт о возврате всех незаконно присвоенных культурных ценностей. Уже в XX веке договоры почти систематически включали положения о возвращении разграбленных артефактов или компенсации предметами, эквивалентными им по стоимости, например после Первой мировой войны [10; 14; 15]. В 1943 году Европа столкнулась с колоссальными масштабами нацистского грабежа, ответом на что стала Лондонская декларация, которую подписали 17 стран-союзниц. В ней шла речь о том, что независимо от того, являлось ли приобретение артефактов грабежом или законной сделкой, оно будет запрещено на оккупированной немцами территории и аннулировано [5]. Лондонская декларация стала основополагающим международно-правовым актом в области реституции культурных ценностей. Наконец, Парижская конференция по репарациям 1945 года постановила, что культурные ценности, разграбленные вермахтом, должны быть, по возможности, заменены на предметы равной ценности, если их невозможно вернуть [9].

Эта практика привела к постепенному включению принципа возмещения ущерба в международное право. В дополнение к положениям, защищающим все имущество гражданского характера, в Гагских конвенциях 1899 и 1907 годов признается особый запрет на разграбление культурных ценностей. Каждое государство обязано соблюдать запрет [11; 12].

Позже этот принцип был закреплен в Гагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 года и двух протоколах к ней. Конвенция запрещала вывоз культурных ценностей с оккупированных территорий, в противном случае – требовала их вернуть на территорию, с которой

они были вывезены, по прямому запросу [2].

В 1970 году законы военного времени дополнены Конвенцией о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. Конвенция обязывала международное сообщество мобилизовать все силы на борьбу с незаконной торговлей культурными ценностями [3]. В 1995 году в условиях отсутствия решения международных споров была принята Конвенция ЮНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям. Конвенция разрабатывалась по запросу ЮНЕСКО, она направлена на применение единообразного подхода к просьбам о возвращении похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностей и призывает государства-члены привести законы своей страны в соответствие с этой конвенцией [4].

В ряде резолюций Совета Безопасности ООН прямо упомянуты обязательства государств по возвращению предметов культуры, незаконно вывезенных в результате вооруженных конфликтов или террористической деятельности. В 2006 году Международный комитет Красного Креста установил запрет на разграбление культурного наследия, который подразумевал обязательство возвращать предметы, незаконно вывезенные с территории их пребывания. Жан-Мари Хенкертс и Луиза Досвальд-Бек, юрисконсульты юридического отдела Международного комитета Красного Креста, в 2006 году отредактировали двухтомную работу по обычному международному гуманитарному праву. Согласно этому документу, оккупированная территория входит в сферу действия обычного международного права, и поэтому вышеупомянутый запрет распространяется на все государства, независимо от того ратифицировали они вышеуказанные международные документы или нет [13]. Наконец, стоит упомянуть о Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. При всем том, что она не является обязательным документом, она также играет немаловажную роль в попытках правового урегулирования запросов реституции, так как призывает государства предоставлять компенсацию, которая может включать компенсацию за культурные ценности, которых эти коренные народы

были лишены [1]. Несмотря на этот по-настоящему большой банк нормативных правовых актов мирового значения, например о запрете мародерства и об обязательстве по возвращению предметов культуры, существующие инструменты часто (практически всегда) оказываются недостаточными для удовлетворения требований, связанных с положением вещей, сложившимся еще в колониальный период.

Первое и, безусловно, главное препятствие реституций заключается в том, что указанные выше документы не имеют обратной силы, то есть они не могут быть применены к действиям, совершенным до их вступления в силу. Положения о культурных ценностях, которые содержатся в Гаагских конвенциях 1899, 1907 и 1954 годов, касающихся вооруженных конфликтов, или Конвенции ЮНЕСКО 1970 года, не относятся к событиям, произошедшим до даты вступления этих документов в силу. Поэтому культурные ценности, приобретенные во время колониальных завоеваний, не могут быть возвращены на основании вышеописанных нормативных актов. Следовательно, в условиях невозможности применения обратной силы закона необходимо использовать те законы, которые действовали на момент присвоения и вывоза культурных ценностей с мест их происхождения. Однако нормы законов прошлого и настоящего бесспорно разнятся: многие действия колонизаторов, которые сегодня считаются преступными или аморальными, были обычными в то время, когда они совершались: например, лишение собственности, право на грабеж и разбой во время войны широко признавались обычными. При этом, ссылаясь на закон, действовавший в то время, следует понимать, что чаще всего этот закон истолковывался и кодифицировался в том виде, в каком он был выгоден победителю, и часто строился таким образом, чтобы служить интересам победителя.

Помимо отсутствия обратной силы, порой международные документы содержат такие положения, которые ограничивают сферу их действия. Например, Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов ограничиваются ситуациями вооруженного конфликта только между признанными государствами [11; 12]. Таким образом, документы, составленные западными

странами-колонизаторами, исключают колониальные завоевания и национально-освободительные войны, так как они не считаются «межгосударственными конфликтами». Европейские страны, извлекавшие выгоду из колониализма, обычно использовали международное право в качестве функционального инструмента для реализации своих экспансионистских интересов. В частности, термин «terra nullius» («ничейной землей») объявлялась земля с малочисленными народами или земля, населенная аборигенами, не принадлежавшая ни одному из государств) помог оправдать оккупацию, экспроприацию и разграбление земель коренных народов по всему миру.

Конвенция 1970 года характеризуется крайне узкой сферой применения. Согласно ей рассматриваются только те предметы культуры, которые отвечают двум критериям: числятся за музеем (или аналогичным учреждением) и внесены в реестр. Таким образом, эта конвенция исключает культурные ценности, принадлежащие отдельным лицам или общинам, а также культурные ценности найденные, например, в ходе раскопок или иной исследовательской деятельности на территориях колонизованных народов [3].

Исходя из этого, сделаем вывод, что международные инструменты и попытки регулирования реституции сталкиваются с рядом препятствий: требование ратификации документов, отсутствие у них обратной силы или ограничения, накладываемые на сферу их действия. Это не позволяет применять их к случаям расхищения, совершенным в колониальную эпоху. Кроме того, очевидно, что споры, связанные с культурными ценностями, обычно сталкиваются с дополнительными препятствиями в силу своей сложности.

Во-первых, иски о реституции культурных ценностей часто осложняются многообразием таких ценностей и большим количеством заинтересованных в них лиц. Процесс реституции зависит не только от характеристик предмета, имеющего культурную ценность, но и от того, адресованы ли требования от государства к государству, от государства к частному лицу, от частного лица к государству, к общине, учреждению (государственному или частному) или любому другому лицу, или к любой другой комбинации этих

субъектов. Претензии могут также предъявляться к ценностям, находящимся в государстве того, кто их выдвигает, или в другом государстве. Наконец, культурные ценности могут находиться в руках частных владельцев, но при этом попадать под действие национального законодательства, запрещающего, например, вывоз таких ценностей.

Во-вторых, стороны обычно опираются на широкий ряд аргументов, чтобы обосновать свое требование о реституции или возразить против него. Например, в случае с Кумранскими рукописями (свитками Мертвого моря) Палестинская автономия и Иордания основывают свои претензии на территориальных (место обнаружения свитков), гуманитарных (их незаконное отчуждение после аннексии Израилем Восточного Иерусалима в 1967 году) и юридических аргументах (Иордания утверждает, что имеет доказательства покупки нескольких манускриптов). По словам исследователей Кумранских рукописей и правовой ситуации, возникшей вокруг них, Бернара Дюхайма и Камиллы Лабади, профессоров международного права Университета Квебека (Монреаль), Израиль претендует на статус «хранителя» (а не «владельца») и опирается в первую очередь на моральные и религиозные принципы, ссылаясь на священную историю еврейского народа и напоминая, что эти свитки имеют фундаментальное значение для наследия иудаизма [8]. Однако на сегодняшний день законодательство и судебная практика не дают окончательного ответа на вопрос о том, что является приоритетом: территориальные связи или культурные связи, сложившиеся между сообществом и артефактом, происходящими из другой страны; требования реституции, основанные на правовых нормах, или требования, основанные на моральных, этических или религиозных соображениях.

В-третьих, требования о реституции касаются предметов, приобретенных десятилетия или столетия назад. Помимо неприменимости международных документов, разбирательства могут быть дополнительно осложнены определением незаконности (законности) лишения такой собственности или трудностями, связанными с провенансом культурных ценностей, поскольку они часто подвергались многократной передаче на частном,

национальном и международном уровнях. Чтобы обосновать любое требование о реституции, заявитель должен иметь возможность доказать право собственности на тот или иной артефакт. Для установления права собственности многие государства опираются на принятое ими в области охраны культурного наследия законодательство. При этом государства не всегда единогласны в определении того, что представляет собой понятие «культурная ценность», и не всегда исчерпывающе определяют предметы, которым они придают такое значение. Кроме того, для определения принадлежности того или иного объекта может использоваться множество критериев, признание его принадлежности может осуществляться не с юридической точки зрения, а с учетом связи, установившейся между общиной и этим объектом. И конечно, чем давнее факт расхищения, тем сложнее будет получить предварительные доказательства в поддержку своих требований. Поэтому в требованиях реституции часто приходится опираться на дорогостоящие, а иногда и противоречивые антропологические, этнографические или геотехнические отчеты, свидетельствующие о географическом и культурном происхождении культурных ценностей, требуемых реституции.

Можно сделать вывод, что существующие международные юридические обязательства не позволяют реститутировать культурные ценности, приобретенные в колониальную эпоху, их реституция обычно воспринимается как моральный долг и обусловлена чувством необходимости исправить несправедливость прошлого. Когда судебные разбирательства оказываются безуспешными или возникает необходимость обойти различные правовые и иные ограничения, споры о реституции могут решаться с помощью альтернативных механизмов, которые ссылаются на исторические, моральные или деонтологические принципы для достижения положительного решения.

Одним из основных альтернативных методов является добровольное возвращение, хотя это относительно редкий случай – некоторые государства, учреждения или частные лица идут на добровольные пожертвования или реституцию. Например, Художественная

галерея и музей Келвингроув (Глазго, Шотландия) напрямую вернул Ассоциации выживших в Вундед-Ни рубашку, которая принадлежала предполагаемой жертве резни 1890 года на территории США. Роберт Питерс, доктор права Европейского университетского института (Флоренция, Италия), сообщает, что «принимая решение, Совет (Художественной галереи и музея Келвингроув. – В. М.) подчеркнул, что он действует не по юридическим обязательствам, а исходя из этических и гуманитарных соображений» [7]. В 2021 году аналогичный процесс инициировал Музей Орсе (Париж, Франция), запустив процедуру возвращения картины Густава Климта «Розы под деревьями», прежде принадлежавшей Норе Стясны. Она получила эту картину от своего дяди Виктора Цукеркандля — богатого сталелитейного магната и коллекционера произведений искусства. Нора Стясны была вынуждена продать произведение за бесценок в августе 1938 года в Вене. Позже она умерла вместе со своей семьей в лагере смерти «Белжец». Министр культуры Франции (2020–2022 годов) Розлин Башло-Наркен сказала, что с этим шедевром стране расстаться сложно, но необходимо. «Это завершение акта правосудия», — заявила она на пресс-конференции в Париже.

Другим альтернативным механизмом разрешения споров реституции является взаимовыгодный обмен путем посредничества или арбитража. Несмотря на то, что зачастую эти процессы все еще остаются долгими и дорогостоящими, они имеют ряд важных преимуществ. Они отличаются от строгого применения закона, позволяют апеллировать к нормам и ценностям, отличным от правовых, и в большей степени ориентированы на удовлетворение сторон и согласование их интересов с целью достижения честного урегулирования. Они также позволяют напрямую задействовать различные субъекты, например музеи, которые могут иметь определенную степень независимости в управлении своими коллекциями и, следовательно, использовать собственные полномочия для возвращения предметов, находящихся в их собственности. Этот механизм реституции привел к появлению самых разнообразных решений.

В 2007 году Музей естественной истории (Лондон, Великобритания) вернул тела 13

предков аборигенов общине в Тасмании в обмен на сохранение образцов их ДНК для научных целей. Аналогичным образом соглашение 2006 года между Итальянской Республикой и Метрополитен-музеем (Нью-Йорк, США) предусматривало, что в обмен на реституцию Кратера Евфрония американскому музею будут переданы другие предметы, равные по красоте, историческому и культурному значению. Соглашения, достигнутые в ходе переговорных процессов, могут также предусматривать официальное признание важности культурных ценностей для культурного наследия одной из сторон. Например, соглашение между Францией и Нигерией, заключенное в феврале 2002 года, признало право собственности Нигерии на произведения искусства Нока и Сокото в обмен на безвозмездный и возобновляемый 25-летний заем Музею на набережной Бранли (Париж, Франция).

Переговорные процессы также позволяют устанавливать особые формы собственности. В 1984 году после провала судебного разбирательства между Музеем изобразительных искусств Сан-Франциско (США) и Национальным институтом антропологии и истории Мексики было заключено соглашение о совместном владении фресками ацтеков. Оно предусматривало совместное использование культурных ценностей и покрытие расходов, связанных с их выставкой и хранением, между двумя учреждениями. В некоторых случаях музеи, в которых хранятся культурные ценности колониальной эпохи, могут также согласиться на то, чтобы они использовались сообществом, из которого они происходят, в ритуальных целях, или же они могут согласиться экспонировать копии оригинальных артефактов, которые были возвращены в процессе реституции. Наконец, стороны могут принять и другие соглашения, такие как покупка артефакта государством, уже владеющим им, создание программ межкультурного сотрудничества или выплата компенсации. В общем и целом, применение этих

альтернативных механизмов зависит только от доброй воли всех вовлеченных сторон.

С учетом постоянно растущего числа актов реституции, многие споры остаются нерешенными, например, реституция мраморных скульптур Парфенона и свитков Мертвого моря, а также многочисленные поданные бывшими колониальными государствами и коренными народами просьбы, которые не могут быть удовлетворены на основе правовых норм.

Заключение (выводы). Действительно, реституция культурных ценностей сталкивается с ограниченной сферой действия конвенций и международных правовых норм, принципом обратной силы или ограничением сроков исковой давности. Таким образом, большинство требований о возвращении артефактов, разграбленных в колониальную эпоху, как правило, терпят неудачу практически на пороге суда, поскольку к ним не применимы никакие правовые нормы. Что касается исков, преодолевших эти препятствия, то судьи и юристы вынуждены проводить сложные практические и процессуальные мероприятия, направленные на определение применимого права, что зачастую приводит к непредсказуемым результатам. В отсутствие правовых норм, связанных с колониальным наследием, тем не менее наблюдается возникновение практики реституции, которая мотивирована чувствами необходимости исправить историческую несправедливость. Однако следует подчеркнуть, что не всегда достаточно лишь самого факта реституции культурных ценностей, так как она не возмещает других убытков, которые могли возникнуть в результате колониализма. В случае человеческих останков, священных артефактов или предметов, связанных с уникальными знаниями предков, недостает одной реституции, чтобы возместить утрату этих знаний или социальных и духовных потрясений, вызванных их исчезновением в течение длительного времени.

Список литературы

1. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/UNDRIPManual-ForNHRIs_ru.pdf (дата обращения: 07.12.2023).
2. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1956) // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия. М.: ЮниПринт, 2002. С. 5–59. URL: https://livingheritage.by/1317_Norm_acts_RUS.pdf (дата обращения: 07.12.2023).

3. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: ЛОГОС, 1993. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900836?section=text> (дата обращения: 07.12.2023).
4. Конвенция ЮНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям. (Рим, 24 июня 1995 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901898389text> (дата обращения: 07.12.2023).
5. Лондонская декларация Объединенных Наций от 5 января 1943 года против актов лишения собственности, совершенных на территориях, находящихся под вражеской оккупацией или контролем // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XI. – М.: 1955. С. 58–59.
6. Стефко М.С. Колониальное наследие французских музеев и проблема реституции: по следам дискуссии вокруг доклада Б. Савуа –Ф. Сарра // Наследие и современность / Под ред. В.М. Валеев. Казань: Издательство Казанского университета, 2020. С. 36–44.
7. Borelli, S. & Lenzerini, F. Cultural Heritage, Cultural Rights, Cultural Diversity: New Developments in International Law. 41 p. URL: <https://deliverypdf.ssrn.com/delivery.php?ID=976118072096020065099117019072102096059080095032024041078114023074022110098095078125031006120043049043112118112068013112122090044000063069006096025007012073024086028032061002004127105092093123092086124105069020064125119074115069126065120094115068117089&EXT=pdf&INDEX=TRUE> (дата обращения: 07.12.2023).
8. Duhaime, B. & Labadie, C. (2016). Les voyages des manuscrits de la mer Morte: réflexions sur la restitution des biens culturels et le droit international. *Théologiques*, 24(2), 183–218. URL: <https://www.erudit.org/en/journals/theologi/2016-v24-n2-theologi03889/1050507ar.pdf> (дата обращения: 07.12.2023).
9. Final Act of the Paris Conference on Reparation with annex (Paris 21st December 1945). London: His Majesty's Stationery Office, 1946. 18 p. (Miscellaneous № 1 (1946). p. 18. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2003/12/15/5c0dfcd9-2af2-431b-8cbf-e8e288aef30e/publishable_en.pdf (дата обращения: 07.12.2023).
10. Francioni, F. (2008). Au-delà des traités : L'émergence d'un nouveau droit coutumier pour la protection du patrimoine culturel. 25 p. URL: <https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/7992/LAW-2008-05.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 07.12.2023).
11. Hague convention II with respect to the laws and customs of war on land (with annexed regulations) (29 July 1899). 4 p. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1902&context=ils> (дата обращения: 07.12.2023).
12. Hague convention IV with respect to the laws and customs of war on land (with annexed regulations) (18 October 1907). 5 p. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1907&context=ils> (дата обращения: 07.12.2023).
13. International Committee of The Red Cross. Customary International Humanitarian Law. Volume I. Rules. Cambridge University Press, New York. 689 p. URL: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/customary-international-humanitarian-law-i-icrc-eng.pdf> (дата обращения: 07.12.2023).
14. Perrot, X. (2005). La restitution internationale des biens culturels aux XIX e et XX e siècles. Espace d'origine, intégrité et droit. 381 p. URL: <https://hal.science/tel-01536066/document> (дата обращения: 07.12.2023).
15. Prott, L. V., & Kowalski, W. (2011). Témoins de l'histoire : Recueil de textes et documents relatifs au retour des objets culturels. UNESCO Editions. 492 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000191729> (дата обращения: 07.12.2023).
16. Sarr F., Savoy B. Rapport sur la restitution du patrimoine culturel africain. Vers une nouvelle éthique relationnelle. 2018. 240 p. URL: https://medias.vie-publique.fr/data_storage_s3/rapport/pdf/194000291.pdf (дата обращения: 07.12.2023).

CULTURAL HERITAGE RESTITUTION: HISTORY AND MODERNITY

Cultural property, being an important and unique component of the culture of any people, was often plundered during colonial conquests. Colonial States appropriated the cultural artefacts of colonised territories, contributing to their destruction and annihilation. After gaining independence, former colonial countries and indigenous peoples attempted to recover their heritage, which is still preserved in museums and private collections in other countries. The article examines the principles of restitution of cultural property from two perspectives: international law and moral and ethical attitudes. Restitution principles similar to those used after armed conflicts are characterised, as well as the practical, logistical, economic, national and philosophical components of restitution as a process. Current restitution practices based on international legal instruments, including judicial practices that often do not fulfil the requirements of restitution, are highlighted. Alternative restitution mechanisms, which are motivated more by moral and ethical considerations and which help to achieve unique restitution solutions resulting in intercultural interaction between different peoples, are also discussed. The article analyses the developments in the restitution of cultural property in Europe in the late twentieth and early twenty-first centuries.

Keywords: restitution, cultural values, colonialism.

References

1. Deklaratsiia Organizatsii Obieedinennykh Natsii o pravakh korennykh narodov (2013) [United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples] URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/UNDRIPManual-ForNHRIs_ru.pdf (date of reference: 07.12.2023).
2. Konventsiiia o zashchite kulturnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta (1956) [Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict] // UNESCO Normative Instruments for the Protection of Cultural Heritage. Moscow: UniPrint, 2002. С. 5-59. URL: https://livingheritage.by/1317_Norm_acts_RUS.pdf (accessed on 07.12.2023).
3. Konventsiiia o merakh, napravlennykh na zapreshchenie i preduprezhdenie nezakonnogo vvoza, vyvoza i peredachi prava sobstvennosti na kulturnye tsennosti. Mezhdunarodnye normativnye akty UNESCO (1993) [Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property. UNESCO International Normative Instruments] M.: LOGOS, 1993. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900836?section=text> (date of circulation: 07.12.2023).
4. Konventsiiia UNIDRUA po pokhishchennym ili nezakonno vyvezennym kulturnym tsennostiam (1995) [UNIDROIT Convention on Stolen or Illegally Exported Cultural Objects] URL: <https://docs.cntd.ru/document/901898389text> (accessed on 07.12.2023).
5. Londonskaia deklaratsiia Obieedinennykh Natsii ot 5 ianvaria 1943 goda protiv aktov lisheniia sobstvennosti, sovershennykh na territoriiakh, nakhodiashchikhsia pod vrazheskoi okkupatsiei ili kontrolem // Sbornik deistvuiushchikh dogovorov, soglashenii i konventsii, zakliuchennykh SSSR s inostrannymi gosudarstvami (1955) [London Declaration of the United Nations of 5 January 1943 against acts of deprivation of property committed in territories under enemy occupation or control // Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states] - M.: 1955. С. 58-59.
6. Stefko M.S. (2020) Kolonialnoe nasledie frantsuzskikh muzeev i problema restitutsii: po sledam diskussii vokrud doklada B. Savua –F. Sarra [The Colonial Heritage of French Museums and the Problem of Restitution: on the Traces of the Discussion on the Report of B. Savoie - F. Sarr] Sarr // Heritage and Modernity / Edited by V.M. Valeev. Kazan: Kazan University Press, 2020. С. 36-44.
7. Borelli, S. & Lenzerini, F. Cultural Heritage, Cultural Rights, Cultural Diversity: New Developments in International Law. 41 p. URL: <https://deliverypdf.ssrn.com/delivery.php?ID=976118072096020065099117019072102096059080095032024041078114023074022110098095078125031006120043049043112118112068013112122090044000063069006096025007012073024086028032061002004127105092093123092086124105069020064125119074115069126065120094115068117089&EXT=pdf&INDEX=TRUE> (дата обращения: 07.12.2023).
8. Duhaime, B. & Labadie, C. (2016). Les voyages des manuscrits des manuscrits de la mer Morte: réflexions sur la restitution des biens culturels et le droit international. *Théologiques*, 24(2), 183-218. URL: <https://www.erudit.org/en/journals/theologi/2016-v24-n2-theologi03889/1050507ar.pdf>

(accessed on 07.12.2023).

9. Final Act of the Paris Conference on Reparation with annex (Paris 21st December 1945). London: His Majesty's Stationery Office, 1946. 18 p. (Miscellaneous No. 1 (1946). p. 18. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2003/12/15/5c0dfcd9-2af2-431b-8cbf-e8e288aef30e/publishable_en.pdf (accessed 07.12.2023).

10. Francioni, F. (2008). Au-delà des traités : L'émergence d'un nouveau droit coutumier pour la protection du patrimoine culturel. 25 p. URL: <https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/7992/LAW-2008-05.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed on 07.12.2023).

11. Hague convention II with respect to the laws and customs of war on land (with annexed regulations) (29 July 1899). 4 p. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1902&context=ils> (accessed on 07.12.2023).

12. Hague convention IV with respect to the laws and customs of war on land (with annexed regulations) (18 October 1907). 5 p. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1907&context=ils> (accessed 07.12.2023).

13. International Committee of The Red Cross. Customary International Humanitarian Law. Volume I. Rules. Cambridge University Press, New York. 689 p. URL: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/customary-international-humanitarian-law-i-icrc-eng.pdf> (accessed on 07.12.2023).

14. Perrot, X. (2005). La restitution internationale des biens culturels aux XIX e et XX e siècles. Espace d'origine, intégrité et droit. 381 p. URL: <https://hal.science/tel-01536066/document> (date of reference: 07.12.2023).

15. Prott, L. V., & Kowalski, W. (2011). Témoins de l'histoire : Recueil de textes et documents relatifs au retour des objets culturels. UNESCO Editions. 492 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000191729> (accessed on 07.12.2023).

16. Sarr F., Savoy B. Rapport sur la restitution du patrimoine culturel africain. Vers une nouvelle éthique relationnelle. 2018. 240 p. URL: https://medias.vie-publique.fr/data_storage_s3/rapport/pdf/194000291.pdf (date of reference: 07.12.2023).

Об авторе

Макий Валентин Геннадьевич – аспирант Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, E-mail: valentinmakiy@gmail.com

Makiy Valentin Gennadevich – PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, E-mail: valentinmakiy@gmail.com